

В этот раз она достаточно оправилась, чтоб съездить опять с Олькотом на открытие каких-то буддистских школ на Цейлон, вновь подвергаясь всевозможным утомительным поездкам на слонах, церемониалам и т.п. беспокойным иллюстрациям ее многоцветной жизни. Осенью 1882 г. она снова страшно болела и опять таинственно исчезала; на сей раз она отсутствовала гораздо больше и была совсем на границе Тибета, куда несколько ее приверженцев, – уверенные, что она поехала для свидания с Радж-Йогами, ее «учителями», – бросились ее разыскивать в чаянии тоже «удостоиться их лицезрения»¹, но ничего не добились! К Декабрю она возвратилась действительно в таком состоянии здоровья, в каком давно не бывала. Ее ждали большие хлопоты по поводу нового переселения и съезда теософов для празднования седьмой годовщины основания их Об^{[шест]ва}.

Число *семь* – в учении Теософов – имеет особенно важное, мистическое значение, а потому этот съезд был чрезвычайно многолюден и торжествен; а тут еще присоединились особые чествования президента и основательницы по случаю их переезда в Мадрас. Там, в сравнительно здоровой и красивой местности, на берегу Бенгальского залива, была приобретена по подписке членов Т[еософического] Об^{[шест]ва} земля с прекрасным домом и всеми приспособлениями для удобного помещения основателей «Братства» со всем штатом управления и редакцией их журнала.

Передо мной многочисленные адреса² и речи по поводу праздника³, торжественных чествований и проводов Е.П.Б[лаватской] и полковн[ика] Олькота, но я не буду останавливаться на подробностях. Скажу только, что весь путь от Бомбея до Мадраса и прием их там представляет по газетным отчетам ряд торжеств à l'orientale⁴ и что своим новым помещением – «не домом, а целым замком⁵ среди цветущего парка при устье речки *Адиарки*, впадающей в океан», как описывает его Елена Петровна, – она была очень довольна.

Адиар – новая и на сей раз постоянная Главная квартира Т[еософического] Об^{[шест]ва} в Индии, судя по описаниям и фотографиям, очень красивое место, а главное, оно расположено в лучших санитарных условиях; по крайней мере, живя там, Елена Петровна довольно долго была сравнительно здорова. Впоследствии она всегда с особенной любовью и сожалением говорила о своем «милом, дорогом Адиаре», где ей так хорошо жилось и где она надеялась окончить жизнь свою... В саду ее был даже заготовлен костер из сандалового дерева, – которому не пришлось, однако, сжечь ее останков. В Адиарских письмах вновь стали проявляться ее способности ясновидения и яснослышания. Так в письме к Н.А.Фадеевой от 7го Марта 1883 г. она передает событие и разговор по поводу его, происшедший *в тот самый день*, 7го Марта, в Одессе между ней и Е.А.Витте, старшей сестрой ее. Вот⁶ подлинные строки Блаватской:⁷

«Что это тетя все хандрит? Почему это она не хотела, чтобы ты послала по телеграфу Боре⁸ поздравление с тем, что он получил орден, Анну на шею⁹?.. “Не для чего! Невелико счастье!” – сказала она тебе... Так ведь?...» «Вот ты никогда не пишешь ничего о том, что случается в семье!» – укоряет она ее далее, рассказывая еще об одном домашнем деле и заключая так: «Все мне приходится самой *чрез себя* узнавать. А ведь на это надо силы тратить!..»

¹ Это путешествие подробнее описано в биографическом очерке Е.П.Б[лаватской] в журн[але] *Русское Обозрение*. – Примечание В.П.Желиховской.

² Адрес – заявление известного числа лиц или целого объединения или корпорации.

³ Далее зачеркнуто: *и*.

⁴ по-восточному (*фр.*).

⁵ Далее зачеркнуто: *сре*.

⁶ Далее зачеркнуто: *ее*.

⁷ *NB.* – Примечание В.П.Желиховской.

⁸ Борис Юльевич Витте. Он именно в Марте, к Пасхе, получил эту награду. – Примечание В.П.Желиховской.

Витте Борис Юльевич (1848–1902) – товарищ прокурора Одесской судебной палаты (1884), председатель кишиневского окружного суда (1892), председатель Одесской судебной палаты (1894), сын Е.А.Витте, двоюродный брат Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской.

⁹ Орден святой Анны.

Здесь, – не собственно в Адиаре, но в его горных окрестностях, в *Отакамунде*¹⁰, где Е.П.Б[лаватская] гостила у друзей своих, генерала Морган[а]¹¹ и его жены¹², – произведен ею вновь феномен из числа *материальных*, обративший внимание всего Мадраса, потому что свидетельствовали о нем высокопоставленные лица, *Т[еософическому] Об[ществу] не причастные*. Я расскажу о нем, так как он произошел вне района близких друзей ее и засвидетельствован не Оллькотом, Джэджем или Синнетом, отсутствовавшими в то время, а посторонней семьей генерала Морган[а] и Мрс Сарой Кармайкль, с которой произошел. Вот что изложено в рассказе, подписанном ее полным именем.

Она поехала повидаться с г[оспож]ой Блаватской в Отакамунд к генералу Морган[у], где виделась с ней уж раза два и очень заинтересовалась личностью ее и беседой помимо всяких феноменов, хотя не прочь была и их увидеть. Разговаривая в гостиной, куда к ней вышла Е[лена] П[етровна], она сняла с руки перчатку и, поправляя кольца, шутя выразила желание, чтоб она и их *раздвоила*, «как сделала из одного два кольца для Мрс Синнет», по рассказу последней... Блаватская взяла тогда руку своей гостьи в свою и, сняв с своей руки большое символическое кольцо с темно-зеленым камнем, подарок ее «Учителя», – сняла два кольца и с пальца Мрс Кармайкль; но, подержав все три кольца в горсти, одно ей сейчас же возвратила, сказав: «С этим я ничего не могу сделать, потому что в нем нет *вашего магнетизма*... Оно не ваше, вероятно?» «Я точно, нечаянно надела в то утро кольцо своего мужа, – продолжает рассказчица. – Mme Blavatsky положила другие два кольца, свое большое и мой сафир¹³, на ладонь правой руки, а левой крепко держала меня за правую руку; тихонько переминая пальцами кольца, она через минуту воскликнула: “Ну вот ваше кольцо!” И открыв правую руку, показала лежавшие на ладони *три* кольца, свое, мое и новое, третье, во всех отношениях дубликат моего сафира, но только камень в нем оказался лучшей воды и немного больше...

– Зачем же вы мне даете *это*? – спросила я в удивлении.

– Не я даю, не я его сделала! – отвечала она. – Махатмы вам дарят его...

– Но за что же такая милость?

– Они позволили мне для вас получить его в доказательство, что они сознают и благодарны вам и вашему мужу за участие, которое вы всегда показывали туземцам...»

Отсюда же, из Адиара, Е[лена] П[етровна] писала тетке своей (23 Марта 1883 г.), прося ее обратить внимание на последний присланный ей из Парижа № журнала «Bulletin Mensuel de la Société Théosophique» от 15 Марта, на страницу 9. В довольно давно принесенном с почты, но еще не разрезанном журнале сказанная страница оказалась даже подчеркнутой синим карандашом; а в ней заключалось указание на предсказание Сен-Симонистов – что в 1831 году (год рождения Елены Петровны) *родится женщина, которая примирит верования крайнего Востока с христианскими верованиями Запада и будет основательницей Общества, которое произведет большой умственный переворот*. Откуда Сен-Симонисты почерпнули такое сведение – не указано; но *если* оно существовало, то очевидно касалось Е.П.Блаватской и ею основанного Т[еософического] Об[щества].

Восьмая годовщина отпраздновалась в Декабре как всегда торжественно. Адиар переполнился приезжими представителями ветвей Об[щества] местных, американских и европейских. Между последними находился делегат из Нью-Йорка, Др Франц Гартман (ныне известный в Германии, Англии и Америке писатель-ок[к]ультист)¹⁴, сказавший блестящую речь (перепечатанную во многих газетах) о возможности слияния воззрений на природу и бытие человека восточных философий с западной наукой. Соглашение, по мнению теософов, должно придти, когда светила современной науки наконец уразумеют истину бытия, когда одолеют они понятие о *седмичном составе* природы и человека, когда убедятся, «что наше физическое тело со всеми его столку сбивающими нервными центрами и узлами есть ничто иное, как временная

¹⁰ Утакаманд (*англ.* Ootacamund).

¹¹ Морган Генри Родес (1822–1909) – генерал-майор англо-индийской армии, президент Теософского общества Доддабетта.

¹² Морган Елена Генриетта – член Теософского общества.

¹³ сафир (*фр.* saphir).

¹⁴ Гартман Франц (1838–1912) – немецкий врач, писатель, теософ.

амальгама материи, необходимая для развития принципов *высших*, так сказать, *шелуха* или футляр для сохранения в полностью *седмичного аккорда*, в коем лишь низший – тленная плоть, а два высших принципа – божественные, вечные искры великого, предвечного Творца. Тогда они увидят, что их научные положения полны ошибок, а «непогрешимые догматы» науки требуют не только пересмотра, но полного обновления...

«Мы не будем слишком строги к закоснелой рутине, – закончил речь свою Гартман. – Я знаю по личному опыту, как трудно расставаться с убеждениями всей жизни, когда факты и проявления сил ок[к]ультических бросают вам в лицо их несостоятельность. Трудно примириться с умственным сотрясением, когда колеблется самое основание, на котором вы созидали ваши убеждения и вы видите, как все вам дорогие авторитеты скользят и падают во прах при едином прикосновении к ним мудрости Махатм!»¹⁵

Покончив с празднествами годовщины основания Общества, представители его начали собираться в Европу. Полковнику надо было посетить¹⁶ новые ветви и вместе с тем исходатайствовать в Парламенте некоторые льготы Цейлонским буддистам, а Елене Петровне доктор советовали морское плавание и отдых, а может быть и лечение водами какого-нибудь курорта. Но главная причина, побудившая ее ехать, было желание еще раз, как она говорила, «перед смертью» свидеться с родными.

У нас в Одессе в это именно время было большое семейное горе: умирал брат моей матери, генерал Р.А.Фадеев¹⁷. Отчасти от того, что все мы выбились из сил от горя, а также и потому, что знали о сборах Елены в Европу, мы ей долго не писали. Только через несколько дней после похорон, мы известили ее об нашем общем несчастье; но письма наши пришли в Мадрас, когда их уж там не было, и отправились обратно в Европу, вдогонку за Е[леной] П[етровной]. Она выехала еще в Январе, давно была в Бомбее и оттуда писала нам, что 7го Февраля они отплывают в Суэз¹⁸ на пароходе «Чандернагор».

«Я еду под гнетом страшного предчувствия: либо родной¹⁹ дядя умер, либо я с ума сошла! – пишет она. – В ночь накануне отъезда из Адиара я видела во сне сцену, бывшую ровно двадцать лет назад в Тифлисе в [18]64^м году, когда я так болела, помнишь?.. Раз лежала я на диване в зале и дремала. Вдруг открыла глаза и вижу, что дядя склонился ко мне, а на лице у него такая жалость и грусть, что как тогда я вскочила и расплакалась наяву, так и теперь, увидав во сне повторение этой сцены. А дней пять тому назад на железной дороге лежу я одна в купе часа в два ночи. Лежу, но не сплю. Вдруг между мной и окном, в которое светила ярко луна, будто что-то стало. Лампа была завешана, но я узнала: смотрю – дядя! Да такой бледный, худой, растрепанный!.. Господи! Как я вскочила и слышу на мой крик, будто в воздухе надо мной его голос: “Ну прощай, Елена Петровна!”, и – все исчезло!.. Я себе верить не хотела. Сердце у меня разрывалось; чувствовала я, что должна верить, – а старалась не верить. Третий же раз опять наяву, то есть не спала я, а только глаза закрыла, стараясь дремать, нога у меня сильно болела. Лежу в кресле и опять вижу его передо мною. Но уж такого, как он был прежде, двадцать лет тому назад... И будто смотрит он на меня, улыбаясь и прищуриваясь, как бывало это он делал: “Ну что, – говорит, – увидались еще раз?..” “Дядя! – я вскочила. – Дядя! Ради Бога, ведь вы – живы?.. Скажите: живы?!” “Жив! – отвечает. – *Более нежели когда-нибудь жив!* И навеки огражден от страданий... Не тужи! Пиши им, чтобы не горевали... Что я батюшку видел... Всех... всех!..” Последние слова звучали все отдаляясь и тише и сам облик его становился прозрачнее и наконец – совсем исчез... Тогда я убедилась, что дяди уж нет на этом свете. Знала я, что он болен, но так давно никаких известий не имела, да сам он, родной, видно, пришел проститься.

¹⁵ Доктрины Теософического учения указывают не только на *семь* принципов бытия человеческого, но и на преобладание этого числа во всей природе. «Высшей мудрости человеческой, которой достигли Махатмы, – говорят они, – известны *семь* свойств всего, что есть во вселенной, не исключая и *семи измерений*, знание которых дает ключ ко всем тайнам природы». – *Примечание В.П.Желиховской.*

¹⁶ Далее зачеркнуто: *некоторые.*

¹⁷ Фадеев Ростислав Андреевич (1824–1883) – генерал-майор, военный историк, публицист, дядя Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской.

¹⁸ Суэц (*фр. Suez*).

¹⁹ Далее зачеркнуто: *наш.*

Ни слезинки не выдавишь, а на сердце – камень!.. Самое ужасное – неизвестность...»

В такой неизвестности долго томилась бедная Елена, то принимаясь утешать себя, что это еще может быть «пустое видение», то все вновь припоминая и убеждаясь, что такого троекратного, ничем не вызванного видения – не может быть даром.

Только в Суэзе, когда ей подали ожидавшую ее почту, она из газет и вторых писем наших узнала, что дяди Ростислава уж около двух месяцев не было в живых²⁰.

По приезде в Ниццу, потом в Париж, все ее письма переполнились горячими призывами, мольбами ко мне и теткам нашим, чтоб мы приехали повидаться с ней.

²⁰ Тогда Е[лена] П[етровна] тут же на пароходе написала письмо, которое, как справедливо пометила его Н.А.Фадеева, «стоило бы целиком напечатать – такая чудная сторона ее души в нем проявляется!». Но я не смею цельными ее письмами затягивать биографии – как ни хороши они и ни интересны. – *Примечание В.П.Желиховской.*